

Яркое солнце висело высоко в небе, его палящие лучи заставляли пластиковую беговую дорожку издавать зловещее шуршание. От жары казалось, что подошвы кед для военной подготовки вот-вот расплавятся.

Стоило инструктору прокричать: «Разойдись!», как свеженькие первокурсники мгновенно разбежались в разные стороны. Забыв о битве за места в столовой, они бросились под спасительную тень раскидистых деревьев, спасаясь от накатывающей волны летней знойной духоты.

Разумеется, была еще одна веская причина.

Жадно припав к бутылкам с ледяной минералкой, новички то и дело украдкой и весьма многозначительно косились в определенную сторону. В точке схождения всех взглядов стоял крайне красивый... парень.

Новая звезда их института искусств – Ци Шуюэ.

Стандартная форма для военной подготовки первокурсников представляла собой самый обычный сосново-зеленый камуфляж. Настолько уродливым, чтобы претендовать на звание «лучшей шутки года среди военной формы», он не был, но и красивым его назвать тоже было нельзя. Как говорится, одежда делает человека, и этот тусклый, невыразительный фасон в сочетании с унылой расцветкой способен испортить внешность даже самого ослепительного красавца.

И тем не менее, несмотря на все эти наложенные друг на друга дебаффы, Ци Шуюэ, находившийся в эпицентре всеобщего внимания, выглядел потрясюще притягательно.

По сравнению с остальными парнями, обгоревшими на солнце до неузнаваемости, его кожа была невероятно белой. Казалось, многодневные тренировки на жаре никак на нем не отразились – он по-прежнему сиял чистейшим снегом, словно источая едва заметное сияние. В такой летний день одно лишь созерцание его приносило невероятное, освежающее облегчение.

В этот момент Ци Шуюэ снял сосново-зеленую фуражку, и его серебристые волосы, заплетенные в аккуратный хвостик, тут же рассыпались по плечам. В сочетании с безупречными чертами лица эта почти звенящая красота стала еще заметнее в толпе, а обычная военная форма на нем смотрелась так, будто это эксклюзивный наряд от кутюр.

Многие до сих пор считали, что Ци Шуюэ – полукровка, и виной тому была его чересчур естественная серебристая шевелюра. Хотя кое-кто даже подходил с расспросами, и Ци Шуюэ отвечал, что это просто обесцвечивание и краска.

Тот факт, что умирающие от голода студенты застыли на месте только ради того, чтобы еще немного «побыть рядом» с ним, красноречиво говорил об убойной силе внешности Ци Шуюэ.

При таком раскладе признания в любви были привычным делом. Тем не менее однокурсники Ци Шуюэ издали странное, полное скрытого недовольства шипение, косясь на приближающегося парня так, словно увидели пробравшегося в кладовую воришку.

К нему шел Мэн Сянвэнь, старшекурсник третьего курса спортивного факультета. Он загородил дорогу Ци Шуюэ – высокий и крепкий, его тень целиком накрыла хрупкую фигурку Ци Шуюэ. Но в отличие от своей мощной и напористой внешности, выглядел старшекурсник довольно застенчиво: он опустил голову, а на бронзовой коже проступил яркий, с трудом скрываемый румянец.

Он даже не смел прямо смотреть на Ци Шуюэ и, блуждая глазами по сторонам, протянул плотно запечатанный розовый конверт, от которого исходил легкий шлейф парфюма.

Очевидно, это было любовное письмо.

– Однокурсник Ц-Ци Шуюэ... – хоть Мэн Сянвэнь и протянул письмо напрямую, голос его звучал весьма сдержанно. – Могу я пригласить тебя пообедать сегодня?

Прошло всего несколько дней с начала учебы, а от желающих признаться Ци Шуюэ отбою не было; находились даже преподаватели – правда, об этом вслух старались не говорить. Но всем сверстникам Ци Шуюэ обычно отказывал вежливо и одинаково.

Однако сегодня почему-то – то ли из-за невыносимой, сводящей с ума жары, то ли потому, что подобные знаки внимания бесконечно надоели – Ци Шуюэ тихо цыкнул, нахмурился и крайне недовольным тоном произнес:

– Тебе обязательно вечно таскаться за мной?

Казалось, даже цикады на мгновение замолкли. Наблюдавшие за зрелищем студенты впервые видели Ци Шуюэ злым и боялись лишней вздохнуть. Мэн Сяньвэнь тоже замер, растерянно хлопая глазами.

– Скажу прямо. Я не люблю парней, – сделав небольшую паузу, с абсолютно беспристрастным лицом добавил Ци Шуюэ. – Извращенец.

Юноша слегка подался вперед, сокращая расстояние. Вместе с этой красивой мордашкой к парню приблизился едва уловимый аромат его духов, а шелковистые распущенные серебристые пряди скользнули вниз.

Заметив его приближение, Мэн Сяньвэнь потерял дар речи. Словно превратившись в статую, он замер на месте, а его сердце, казалось, готово было выпрыгнуть прямо из горла.

Хотя пару секунд назад его отчитывали так, что он не мог прийти в себя, сейчас, поддавшись иллюзии, он едва не принял это за объятие.

Но Ци Шуюэ, конечно же, не собирался его обнимать. Длинные, изящные пальцы выхватили из рук Мэн Сяньвэня любовное письмо, небрежно разорвали его на несколько кусочков и бросили на ветер. Бросив на ошеломленного парня мимолетный взгляд медово-карих глаз, Ци Шуюэ гордо удалился.

Мэн Сяньвэнь стоял бледный и опустошенный, едва удерживаясь на ногах.

Его верный друг бросился ему на помощь, скрыть злость на лице он даже не пытался и возмущенно зашептал:

– С каких это пор ты извращенец? Признается ему не один ты!

– Да ладно, проехали! – попытался кто-то утихомирить страсти.

– Ну, с такой-то внешностью... – примирительно пробормотал миротворец. – Подумаешь, характер немного вредный, это нормально.

– ... – возразить было нечего.

Почувствовав жгучий взгляд, сверлящий его спину, Ци Шуюэ невольно прибавил шагу. Честно говоря, он немного боялся получить тумаков: кулаки у этого амбала были едва ли не больше

его собственного лица, и с виду он казался жуть каким сильным.

Однако не успел он пройти и пару шагов, как заметил своего «телохранителя», быстро шагающего издалека. Ци Шуюэ мгновенно расслабился, и его шаги снова стали ленивыми и неторопливыми.

В руке телохранителя была бутылка со свежавыжатым арбузным соком. Ци Шуюэ протянул руку, и тот аккуратно вытер капли конденсата со стенки бутылки, прежде чем отдать ее.

Ци Шуюэ тут же недовольно заворчал:

- Ты почему так долго? Я чуть не зажарился! - на самом деле - чуть не умер со страху.

Его упреки звучали так привычно и естественно, будто он совершенно забыл, что это он сам всего минуту назад спонтанно захотел ледяного арбузного сока и заставил человека бежать за ним аж к Южным воротам на другом конце кампуса.

Телохранитель ответил холодным голосом, но это явно была извиняющаяся интонация:

- Прости, я опоздал.

Ци Шуюэ фыркнул:

- На этот раз я тебя прощаю.

Он сделал глоток арбузного сока. То ли под лучами палящего солнца тот слегка нагрелся, то ли потерял былой ледяной хруст, но на лице Ци Шуюэ все равно появилось выражение полного блаженства, словно его только что погладили по шерстке.

Впрочем, расслабился Ци Шуюэ не только из-за этого. Сейчас его взгляд украдкой скользнул к полупрозрачной системной панели, висящей прямо перед ним:

[Подсказка о суициде пушечного мяса №1: публично унижить важного второстепенного персонажа Мэн Сянвэня.]

Статус: Выполнено.

Вот только на душе было чуточку совестно.

Ци Шуюэ нервно закусил трубочку.

Все, что произошло сегодня, было спланировано им заранее.

Мэн Сянвэнь написал ему в личные сообщения, используя крайне вежливые формулировки, и спросил, не мог бы Ци Шуюэ дать ему шанс проявить себя в качестве ухажера.

В тот самый момент как раз сработала системная подсказка для пушечного мяса. Ци Шуюэ как раз ломал голову над тем, как выполнить это задание, но, увидев сообщение, моментально просиял – он сразу понял, что сама судьба подкинула ему нужный момент.

Он тут же ответил Мэн Сянвэню, велел признаться в чувствах при большом скоплении народа, пообещав дать ответ.

Ответ он действительно дал. Вот только от этого ответа у бедняги сердце кровью облилось.

Ци Шуюэ и сам чувствовал себя немного сволочью. Сначала ему казалось, что подобных пикаперских манипуляций будет достаточно для унижения, но система засчитала выполнение только после того, как он бросил в лицо парню презрительное «извращенец». Видимо, сачковать здесь не получится.

Такова была его миссия в роли злодейского пушечного мяса.

Верно, Ци Шуюэ на самом деле являлся исполнителем задач и новобранцем «Бюро по развитию новых измерений».

Главная миссия бюро заключалась в наблюдении за теми молодыми мирами, которые в процессе своей эволюции столкнулись с препятствиями и не могли нормально развиваться. Им требовалось искусственно подталкивать эволюционный процесс, помогая мирам превращаться в самодостаточные новые измерения. Ответственность лежала колоссальная.

Старый сотрудник, курировавший Ци Шуюэ, объяснил суть их работы на понятном для обитателей Земли языке: представьте маленький мир в виде романа, где успешное продвижение основного сюжета позволяет миру продолжить свое развитие.

Старший коллега оказался очень добрым человеком. Заметив, как сильно нервничает Ци Шуюэ, он попытался его успокоить: хотя их миссия и священна, Ци Шуюэ делает лишь первый шаг на этапе освоения. Миру требуются поколения сотрудников, чтобы развиваться и созреть, так что не стоит взваливать на свои плечи непосильную ношу – для начала достаточно просто привыкнуть к обязанностям.

Поскольку Ци Шуюэ был новичком, сложность выданных задач, разумеется, оставляла желать лучшего. Его ролью было определено «пушечное мясо, вечно навлекающее на себя неприятности», которому при необходимости полагалось «терять рассудок», дабы сдвинуть с мертвой точки застопорившийся сюжет.

Главное – не выходить из образа и вовремя, вполне логично сойти со сцены. Зато после выполнения задания полагалась щедрая премия и целый год отпуска.

Ци Шуюэ кивнул, мысленно даже злорадствуя... Пушечное мясо, ищущее смерти на свою голову – судя по названию, экранного времени у него будет мало, а значит, можно будет поскорее закончить сюжет и уйти на заслуженный отдых.

Дело было не только в нежелании работать. Куда важнее то, что новичку Ци Шуюэ, при всей выказанной к нему снисходительности, не разрешалось самостоятельно выбирать тип мира. Все, что ему доставалось – это высокорискованные миры ужасов, куда мало кто соглашался соваться.

А у Ци Шуюэ имелся крошечный, но существенный недостаток.

Он панически боялся всего на свете.

Боялся призраков, монстров и любых жутких историй.

Его страх доходил до того, что родители водили его к психологу. К счастью, врач подтвердил, что у мальчика просто с рождения обостренное восприятие «страха», а в остальном психика здорова и никаких психологических травм нет.

Поэтому за минувшие восемнадцать лет эта пугливость не доставляла Ци Шуюэ особых хлопот – близкие и друзья относились к ней с пониманием. Например, его никогда не звали в квесты-хорроры, избегали рассказывать страшные истории, а по вечерам друзья даже провожали его до дома по очереди.

Но при выполнении последующих заданий столкнуться с элементами мистики и ужасов было практически неизбежно, и помочь ему уже никто не смог бы.

Даже несмотря на это, отказаться от предложенных бюро условий Ци Шуюэ не мог.

Он хотел домой.

Ци Шуюэ снова мысленно вздохнул.

Начало в этом мире выглядело вполне нормальным, ему предоставили уйму времени на адаптацию. Но Ци Шуюэ прекрасно знал: очень скоро это место превратится в настоящий ад на земле.

Мир, куда его забросили... носил тему «Апокалипсиса».

Именно поэтому обычное оскорбление сокурсника по сути не считалось «суицидальным поступком». Даже если тот затаит обиду, с учетом социального статуса и происхождения его нынешнего тела переживать было не о чем.

Кто бы мог подумать, что вскоре грядет апокалипсис, привычный социальный порядок рухнет, а богатство и связи перестанут иметь хоть какое-то значение? А тот самый важный второстепенный персонаж Мэн Сяньвэнь, которого он сегодня публично унизил, пробудит мощные способности и в конце концов станет одним из владык этого мира.

Мэн Сяньвэнь до конца дней помнил унижение, которому его подверг Ци Шуюэ. Именно поэтому он отказался принимать этого неблагонадежного, злобного пушечного мяса в свой отряд и даже запретил любым другим бандам сотрудничать с ним.

Что посеешь, то и пожнешь. Ну или как говорят в народе: не буди лихо, пока оно тихо.

<http://bllate.org/book/18797/1870121>